

МУЗЕЙ – ФАЛЬСИФИКАТОР ИСТОРИИ: СУБЪЕКТ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ?

Анализируются выявленные фальсификации истории в музеях различного профиля как в России, так и за ее пределами, в частности в Украине, Эстонии, Грузии. Определяется роль музея с точки зрения его вовлеченности в жизнь общества и возможности его использования в качестве инструмента фальсификации. Высказывается предположение о неизбежном включении музея в систему взаимодействий с теми или иными владельцами социально значимых влияний – стейкхолдеров – как результате эволюции музейного дела. Формулируется гипотеза о позиции стейкхолдера как значимом факторе развития практик фальсификации истории в музейной деятельности.

Ключевые слова: фальсификация истории; музей; стейкхолдер; монополия.

Необходимость противодействия фальсификациям истории в исторической науке в настоящее время осознана как проблема национального масштаба. Об этом свидетельствует создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549). Указом Президента РФ № 183 от 14.02.2012 г. эта Комиссия была упразднена, однако этот факт не служит официальным признанием снижения актуальности борьбы с фальсификациями истории – в тексте упомянутого указа задача этой борьбы обозначена как приоритетная для создаваемого оргкомитета по проведению Всероссийского года истории. Необходимость выявления и блокирования попыток фальсификации различных тем отечественной истории осознается в качестве приоритетов ряда государственных целевых программ (Государственная программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации, Президентская программа популяризации государственных символов России, ряд других). Разоблачение фальсификации истории становится необходимым инструментом государственной политики в области формирования общественного сознания и ценностной сфере современного российского общества. Многочисленные конфликты интересов в современной социальной жизни (в том числе и в международном аспекте), широкое распространение интернет-коммуникаций сделали тему фальсификации истории неотъемлемым элементом актуальной социальной повестки дня. В орбиту этой темы вовлекаются не только профессиональные историки, но и представители всех социально активных групп сообществ людей. Это делает актуальным системное моделирование практики фальсификации истории.

Научное сообщество все чаще ставит проблему признаков фальсифицирующих историю практик на уровне источниковедческой базы исторических исследований [1. С. 101–110], вопросы соотношения мифотворчества и фальсификации в исторической науке и образовании, возможностей обоснованного баланса между собственной позицией исследователя и преподавателя истории и практикой её искажения [2. С. 80–88]. С другой стороны, современная ситуация характеризуется возрастающей актуализацией музейного фонда в сфере формирования общественного сознания. С середины 2000-х гг., после затяжного периода спада, наблюдается возвращение общественно-

го внимания к музейным предметам и коллекциям, а также к их основным операторам – музейным учреждениям. Это выражается и в количественном росте сетей музейных учреждений, и в росте посещаемости, и в освоении музеями дистанционных технологий работы с аудиториями (интернет-ресурсы, электронные издания и т.д.). Успехи музейной педагогики и развитие маркетинговых технологий в музейной деятельности приводят к качественному усилению влияния музейной информации на процессы формирования и развития общественного сознания, в том числе ценностных установок детей и молодежи.

Поэтому вполне естественно, что музейное дело как перспективный формат влияния на общественное сознание становится объектом пристального внимания агентов идейного фронта. Это с неизбежностью ведет к попыткам превращения музейных структур в инструменты заведомых искажений истории. В частности, это отразилось в настоящей «волне» открытия «музеев советской оккупации» на постсоветском пространстве. Так, 30 ноября 2001 г. был открыт Музей советской оккупации Украины (Киев) [3], 26 мая 2006 г. в составе Национального музея Грузии был открыт Музей советской оккупации в Тбилиси [4], в 2010 г. была озвучена идея открытия Музея советской оккупации в Кишинёве [5]. Музей оккупаций Эстонии действует в Таллинне (следует заметить, что он специализируется не только на периоде вхождения Эстонии в состав СССР, но и стремится отражать и историю германской оккупации в период Второй мировой войны) [5].

В последнее время многочисленные интернет-публикации сообщают о фактах ложной атрибуции фотографических материалов на резонансных выставочных проектах, посвященных острым политизированным темам – Голодомору, большому террору 1930-х гг. в СССР, Великой Отечественной войне. Так, например, дискуссии вызвала инсталляция «импровизированного ГУЛАГа», созданная в октябре 2011 г. в г. Калининграде активистами Молодой гвардии Единой России. Эксперты фонда «Историческая память» заявили, что ряд представленных в инсталляции фотоматериалов относится не к истории ГУЛАГа, а к истории нацистской оккупации Крыма 1941–1942 гг., германским лагерям для военнопленных периода Великой Отечественной войны и даже к истории османского геноцида армян 1917–1918 гг. [6]. На выставке Государственного центрального музея современной истории России «Угнан-

ное детство», открывшейся в январе 2012 г. и посвященной детям, угнанным с оккупированных советских территорий в концлагеря Латвии, латвийские журналисты переатрибутировали одну из фотографий как сделанную в британском концлагере времен англо-бурской войны в Южной Африке [7]. Наконец, большой резонанс получила выставка архивных документов и фотоматериалов о Голодоморе, открытая в Севастополе в марте 2009 г. с участием Службы безопасности Украины, на которой фотографии 1920-х гг., сделанные в Поволжье, а также в годы Великой депрессии – в штатах Арканзас и Оклахома, были выданы за документальные свидетельства массового голода в Украине 1932–1933 гг. [8].

Нарастающая волна политизации музейного строительства, с одной стороны, и массовые случаи фальсификации представлений об истории, выполняемые средствами, с очевидностью имеющими отношение к музейным технологиям и практикам – с другой, закономерно ставят проблему выявления фальсификаций истории и противодействия им в специфической производственной среде музейной деятельности. Следует подчеркнуть – музей в данном случае понимается не столько как собиратель и хранитель остатков прошлого и даже не столько как оператор их публичного представления, наделённый соответствующими полномочиями действующим законодательством, сколько как некая «фабрика смыслов», создатель и распространитель социально значимых представлений об истории. При этом организационные подходы к этому производству и присущие ему технологии позволяют сообщать этим представлениям любые свойства уже на этапе комплектования музейных фондов. В связи с этим возникает вопрос об условиях, в которых музейное учреждение (независимо от его организационно-правового статуса, профиля, общественного назначения и формы собственности) начинает вести себя по сценарию «фальсификатора».

Можно выдвинуть как минимум две гипотезы: музей как производственная система может генерировать самостоятельный интерес к реализации практик фальсификации представлений об истории. Другими словами, музею при определённых условиях по тем или иным причинам становится выгодно заниматься фальсификациями. Музей как производственная система лишён самостоятельной мотивации к фальсификаторским практикам, а включается в них как инструмент, реализующий волю неких внешних по отношению к музею субъектов фальсификации истории.

Оба этих подхода при ближайшем рассмотрении могут не противоречить друг другу. Дело в том, что судьба музея как социальной организации характеризуется своеобразным вектором развития, который коротко можно обозначить как «добровольно-принудительная интеграция». По замечанию российского музеолога В.Ю. Дукельского, современный музей начинался (на определённых этапах) не как участник общественного производства, а как неформальная корпоративная группировка, представляющая собой «сумму индивидуальностей», объединённых не столько

ко достижением общезначимых целей, сколько удовлетворением потребностей в творческом самовыражении и реализации личных научных амбиций [9. С. 80–92]. Разумеется, что подобная неформальная группировка не имела и не могла претендовать на устойчивые гарантии своего существования, а тем более развития со стороны социума. Результатом этого стали всевозможные дефициты факторов развития и его системные ограничения. Их преодоление неизбежно требовало от музея выхода из состояния «суммы творческих индивидуальностей» и выстраивания регулярных отношений со значимыми держателями и распорядителями необходимых факторов развития – стейкхолдерами.

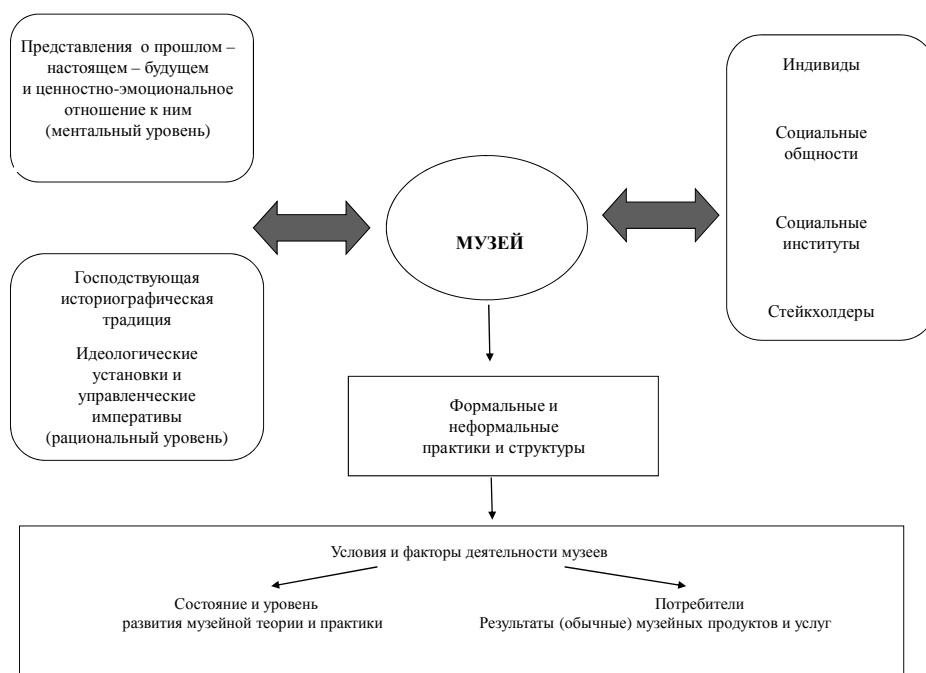
Важно отметить, что на содержание и направленность музейной работы (реальных повседневных рутинных практик во всех сферах музейной деятельности) как в социально и профессионально одобряемом, так и в девиантном (фальсификационном) аспектах воздействует комплекс факторов. Исходя из устоявшихся представлений о внутреннем мире человека, эти факторы можно условно представить в виде двух взаимосвязанных уровней.

Первый уровень, более глубокий по степени укоренённости в индивидуальном и общественном сознании, остающийся практически неизменным на протяжении длительного времени, представлен ментальными стереотипами. Ключевую роль здесь играют неявно выраженные и, как правило, слабо отрефлектированные элементы исторического сознания и самосознания – представления о прошлом – настоящем – будущем и ценностно-эмоциональное отношение к нему, характерные для той или иной исторической эпохи.

Второй уровень, более рациональный и изменчивый по своей природе, содержит в себе несколько взаимосвязанных элементов: состояние и уровень развития музейной теории и практики в ту или иную эпоху, включая, прежде всего, понимание природы и социальных функций музейного учреждения; характер господствующей в определённый временной период историографической традиции, указывающей основные подходы к отбору и интерпретации исторических фактов, а также концептуальные модели осмысления социальных процессов и явлений; идеологические установки и управленческие императивы, исходящие от учредителя, а также от иных стейкхолдеров, действующих на тот момент в культурном пространстве.

Очевидно, что музей занимает в этой системе координат своеобразную позицию. С одной стороны, он выступает в качестве целеполагающей системы, опирающейся на локальные представления о сильных и слабых сторонах, а также возможных перспективах развития учреждения. С другой стороны, становится «проводником» в руках стейкхолдеров, «инструментом» воздействия на индивидов, социальные общности и общественные институты.

Наглядно это можно изобразить в виде следующей схемы:

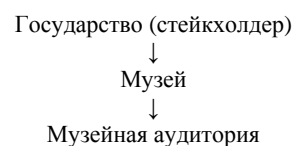
Обобщая вышеизложенное, можно выделить два варианта «стратегий» фальсификации в музее: криминальную и идеологическую.

Первая характеризуется следующими особенностями: корыстная мотивация; субъекты – отдельные сотрудники музея; сфера осуществления – учет и хранение музейных предметов (замена подлинников на копии, исправление / уничтожение учетной документации с целью последующего хищения аутентичных предметов); сферы изучения и публичного представления «сталкиваются» с результатами подобного поведения; рассматривается обществом как разновидность делинквентного поведения; профилируется, выявляется и предотвращается неукоснительным следованиям музейным нормам и правилам. Криминальная фальсификация не носит целенаправленного производственного характера. Искажения, возникающие в результате подлогов, хищений, подмен и т.д., преследующих корыстные цели, не проектируются субъектами такой фальсификации, а возникают в качестве побочных эффектов.

В свою очередь, идеологической фальсификации присущи такие особенности, как конформистская, перфекционистская или карьерная мотивация; субъекты – музейные сообщества и учреждения в целом (подавляющее большинство (значительное количество) разнопрофильных сотрудников); проявляется, прежде всего, в понимании природы и социальных функций музея, а затем в сфере комплектования, изучения и представления предметов и коллекций; неоднозначно оценивается обществом (сторонниками – как норма, оппонентами – как отклонение от некоего образа «правильного» музея)).

Исходя из места и роли музея в культурном пространстве, а также специфики двух стратегий фальсификации, можно сформулировать некоторые особенности, связанные с проявлением тех или иных фальсификационных стратегий. Взаимодействие музея с потребителями (посетителями) и стейкхолдерами может выстраивать либо «по вертикали», либо «по горизонтали». В первом

случае, как правило, тоталитарное или авторитарное государство (как ключевой стейкхолдер) рассматривает музей в качестве инструмента популяризации и внедрения в общественное сознание определенной идеологии, направляя значительные усилия на внедрение различных форм организованного посещения музейных учреждений или потребления музейного продукта вне стен музея. При этом особое внимание уделяется «правильному содержанию» всех публичных направлений работы музея (прежде всего, выставочной и образовательной деятельности). А неизбежная в этих условиях потеря музейем самостоятельности при определении содержания и принципов своего существования компенсируется гарантированным бюджетным финансированием. В свою очередь, музейная аудитория достаточно пассивно воспринимает предлагаемые ей выставочные, издательские, лекционные и досуговые проекты и программы, в основном рефлексируя по поводу тех или иных внешних проявлений работы музейных специалистов в категориях «понравилось» / «не понравилось».

При коммуникации «по горизонтали» государство по тем или иным причинам отказывается от функции идеологического ментора, ограничиваясь неким рамочным (зачастую формальным и декларативным) пониманием природы и социальных функций музея и предоставляя учреждению возможность во многом самостоятельно определять вектор своего развития. При этом музею из-за сокращения объемов бюджетного финансирования в связи с потерей функции «проводника идеологии» часто приходится балансировать между своими фондовыми возможностями и профессиональными наклонностями сотрудников и запросами публики или персонала и организаций – источников благотворительного / спон-

сорского финансирования, что может проявляться, в том числе, и в существенном снижении качества музейных продуктов (выставки на «потребу» публике).

Государство (стейкхолдер) → Музей → Музейная аудитория

Таким образом, «вертикальная» модель музейной коммуникации создает условия и даже способствует различным проявлениям идеологической фальсификации. В этих условиях, если государство не уделяет (как это было в советский период бытования музейного дела) существенного внимания хранительским и учетным аспектам работы музея, при определенных условиях появляется питательная среда и для криминальной фальсификации (что подтверждается фактами краж и подделок предметов и учетной документации, выявленными в целом ряде российских музеев).

В свою очередь, «горизонтальная» коммуникационная модель в силу отсутствия социального заказа на формирование и трансляцию определенной идеологии делает неактуальной идеологическую фальсификацию. А при усилении контроля со стороны государства за внешними (формальными) сторонами деятельности музея (например, как это происходит в современной России в рамках перехода на бюджетирование, ориентированное на социально значимый результат) существенно затрудняется и криминальная фальсификация.

Следует предположить, что одним из значимых факторов превращения музея в источник фальсификаций является его интеграция в организационную среду, в которой возникают функции монополии стейкхолдера. Эта монополия может преодолеть хронические дефициты институтов, инфраструктуры, ресурсов и финансов, которые сопровождают музей на «самодеятельном» этапе его развития [10. С. 5–14]. Но она же может взять под жёсткий контроль всю производственную систему музея. Причём стейкхолдерская монополия не обязательно означает такой контроль в общенациональном отраслевом масштабе – она может возник-

нуть и в отношении одного или нескольких отдельно взятых учреждений. И далеко не всегда ее осуществляют органы государственного управления. Один из наиболее ярких примеров этого – широко освещавшаяся в СМИ и Интернете история непростых отношений между федеральным государственным учреждением культуры «Политехнический музей» и Фондом развития «Политехнического музея», созданным госкорпорацией РОСНАНО [11]. Нет оснований однозначно утверждать, что реальная практика такой стейкхолдерской монополии будет неизбежно нацеливать музей на производство фальсификаций истории. Но бесспорно то, что монополия может поставить музею такие цели и выработать «матрицы» фальсифицированных исторических представлений, производство которых необходимо монополии в её собственных интересах. Социальная капитализация музея возможна по различным сценариям, в том числе по сценарию его развития как системы производства фальсифицированных представлений об истории, востребованных господствующим стейкхолдером.

Подведём итог. Музей может рассматриваться как фальсификатор истории в той мере, в которой он подвержен риску интеграции в социум по правилам организационной стейкхолдерской монополии. Осуществив такую интеграцию, музей может стать инструментом процессов фальсификации истории. В базовых функциях музея как социального института, призванного собирать, хранить, изучать и представлять движимое культурное наследие, собственных мотивов для развития практик фальсификации, по-видимому, нет. Специфика музея, однако, такова, что он не может придерживаться своих базовых функций в чистом виде. Реализация этих функций возможна только при условии интеграции музея в системы отношений с ключевыми носителями многообразных социальных влияний. И эта интеграция возможна по монополистическому сценарию, который создаёт довольно высокую степень риска вовлечения музея в производство фальсификаций истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Билалутдинов А.Д.* Источниковедческие признаки радикального псевдонаучного ревизионизма в изучении начального периода Великой Отечественной войны // Проблемы методологии и историографии всеобщей истории : сб. науч. ст. Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. Вып. 1.
2. *Стрелова О.Ю.* Изучая историю – изучаем мифы? // История и политика в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. М. : МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. 474 с.
3. *Музей советской оккупации.* URL: <http://mesta.kiev.ua/museums/424-muzej-sovetskoj-okkupacii.html> (дата обращения: 13.06.2012 г.).
4. *Цыганок А.* Особый подход Польши и Грузии к истории «советской оккупации». URL: <http://www.apn.ru/publications/article17412.htm> (дата обращения: 22.11.2012 г.).
5. *Музеи коммунизма и советской оккупации в странах мира.* URL: http://www.memoid.ru/node/Muzei_kommunizma_i_sovetskoj-okkupacii_v_stranah_mira (дата обращения: 22.11.2012 г.).
6. *Молодая гвардия Единой России* выдает жертв нацистского геноцида за жертв ГУЛАГа. Заявление Фонда «Историческая память». URL: http://www.historyfoundation.ru/ru/fund_item.php?id=187 (дата обращения: 17.11.2012 г.).
7. *Фальсификация истории.* URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.11.2012 г.).
8. СБУ показала фальшивые материалы о Голодоморе // Sinoptik. URL: <http://obozrevatel.com/news/2009/3/10/290431.htm> (дата обращения: 23.11.2012 г.).
9. *Дукельский В.Ю.* Музейный социум // Музей и личность : сб. ст. / отв. ред. А.В. Лебедев. М. : Российский институт культурологии, 2007. 168 с.
10. *Загоскин Д.В.* Капитализация культурного производства. «Ловушка монополии» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7).
11. *Назаретян К.* Размузеивание Политеха // Вокруг света. 2010. № 12 (2843). URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7294> (дата обращения: 29.11.2012 г.).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2013 г.